

Влас Михайлович Дорошевич

Чайковский

Влас Михайлович Дорошевич Чайковский

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=652785

Аннотация

«– К Чайковскому позвали Бертенсона! – Да не может быть?!
Г-н Бертенсон – хороший доктор. Но доктор! Бертенсон –
последнее, что видит на этом свете выдающийся русский ученый,
писатель, художник, музыкант, артист...»

Содержание

4

Влас Михайлович Дорошевич Чайковский¹

* * *

– К Чайковскому позвали Бертенсона²!

² *Бертенсон* Лев Бернардович (1850—1929) – врач-терапевт, лейб-медик, любитель музыки, брат В.Б. Бертенсона, домашнего доктора, приятеля семьи Чайковских. Определенная ирония, с которой пишет о нем Дорошевич, является отзвуком той газетной полемики относительно лечения композитора, которая разгорелась сразу после его смерти и в которой он принял непосредственное участие. 4 ноября 1893 г. он писал в «Петербургской газете»: «Два благополучно сияющих медицинских светила: в Петербурге г. Бертенсон, в Москве г. Захарьин. Два безвременно угасших музыкальных светила: в Петербурге П.И. Чайковский, в Москве Н.Г. Рубинштейн. Обоим музыкальным светилам под конец жизни пришлось познакомиться с излишним самолюбием светил медицинских. Когда Н.Г. Рубинштейн опасно заболел, г. Захарьин, обиженный тем, что его не позвали в начале болезни, отказался ехать. Есть другие доктора и помимо меня. Нужна была просьба покойного московского генерал-губернатора князя В.А. Долгорукова, чтобы г. Захарьин посетил Н.Г. Рубинштейна. Г-ну Бертенсону даже в голову не пришла мысль о консилиуме в такую трудную, ужасную, критическую минуту. Нет других докторов, кроме меня! И там и здесь вопрос самолюбия. Один „из самолюбия“ говорит: – Есть и другие доктора! Другой „из самолюбия“ думает: – Нет других докторов! А терпеть от этого „самолюбия“ приходится больному. Господа медицинские светила делали бы очень хорошо, если б, входя к больному, оставляли свое „излишнее самолюбие“ в передней. Там ему, в сущности говоря, и настоящее место. Потому что „излишнее самолюбие“ в такие минуты

– Да не может быть?!

Г-н Бертенсон – хороший доктор.

Но доктор! Бертенсон – последнее, что видит на этом свете выдающийся русский ученый, писатель, художник, музыкант, артист.

Он является ко всем умирающим знаменитостям.

У человека под ногами осыпается земля. Ноги проваливаются в какую-то яму.

– чувство далеко не „джентльменское“. Спустя три дня Дорошевич возвращается к этой теме, на этот раз поддерживая прозвучавшее и в других газетах мнение о необходимости некоего „общественного отчета“ Л.Б. Бертенсона: „А.С. Суворин находит, что отношение г. Бертенсона было не безусловно тщательным. М.И. Чайковский находит, что отношение г. Бертенсона было, наоборот, „безусловно-тщательным“. С г. Бертенсоном случилось то же, что с покойным П.И. Чайковским. Чайковского лечили от холеры три специалиста по грудным болезням. Г-на Бертенсона критикуют как врача... два литератора. Мы желаем г. Бертенсону одного. Если эта критика расстроит ему нервы, – не дай Бог, чтобы лечить г. Бертенсона от нервного расстройства взялись три акушера. Всякий хорош на своем месте. Мнения разделились. Чтоб выяснить истину, г. Бертенсону остается созвать консилиум из врачей и предоставить им решить: был ли его уход за больным безусловно-тщательным или безусловно-нетщательным. Без „консилиума врачей“ в этом деле не обойтись. С этого следовало начать. Этим придется кончить. Лучше поздно, чем никогда“ („Петербургская газета“, 1893, 8 ноября, No 307).» Н.О. Блинов и В.С. Соколов пишут в своей книге: «Пока неизвестно, состоялся ли требовавшийся газетами „отчет“ Л.Б. Бертенсона, но судя по тому, что вскоре этот врач стал лейб-медиком, в глазах общественного мнения он все-таки был оправдан» (Последняя болезнь и смерть П.И. Чайковского. М., 1994, с. 166). Эти же исследователи сообщают, что Л.Б. Бертенсон был специалистом по холере и что лечившие Чайковского доктора предприняли все, что было тогда возможно, но тяжелая форма холеры, давшая осложнение на почки, обусловила смертельный исход.

Что это? Могила, – или удастся выкарабкаться?

И все, что видит человек, – бледное небо, чахлая трава, –
полно такой прелести...

И так страшна вечная тьма...

Так хочется жить, как еще никогда!

Человек судорожно хватается за отходящую жизнь.

И в эту минуту видит подходящего к постели, улыбающе-
гося доброй улыбкой доктора Бертенсона.

Даже спокойствие разливается по лицу тяжело больного
ученого, писателя, художника, музыканта, артиста.

Все ясно. Все определено.

– Уж Бертенсон пришел. Нет больше борьбы. Бессильно
лежат руки и ноги.

Больной почти спокойно скользит в могилу. Унося в гас-
нувших зрачках образ доктора Бертенсона.

К постели Чайковского подошел Бертенсон.

И в двух угловых окнах верхнего этажа большого дома
на углу Морской и Гороховой³ на всю ночь загорелся яркий
свет.

Замелькали огоньки восковых свечей.

Словно там была елка.

Чайковский умер.

А еще дней за пять до этого я видел его вечером, после

³ ...большого дома на углу Морской и Гороховой... – П.И. Чайковский умер в
ночь с 24 на 25 октября 1893 г. на квартире своего брата Модеста Ильича в доме
на Малой Морской улице в Петербурге.

театра, в ресторане Лейнера⁴.

Он ужинал с друзьями и ел ту самую куриную котлетку, которая оказалась для него роковой⁵.

Черт знает что такое! Котлетка может оказаться роковой для гения!

Ищите, если хотите, после этого в жизни смысла и красоты!

Я сидел за соседним столом, как раз против Чайковского, и смотрел на этого «певца Онегина с душой Татьяны». Мечтательной и печальной.

Он был весел в тот вечер.

Он смеялся, и от его глаз расходились частые узенькие морщинки, как у смеющихся.

Было что-то милое и детское в этом седом человеке.

И если какие звуки проносились в его голове, – то, конечно, не хватающие за душу аккорды:

⁴ ...я видел его вечером, после театра, в ресторане Лейнера. – В ресторане Лейнера, находившемся на Невском проспекте у Полицейского моста, П.И. Чайковский 20 октября 1893 г., после посещения Александрийского театра, где он смотрел спектакль по пьесе АН. Островского «Горячее сердце», ужинал в компании родственников и друзей.

⁵ ...ел ту самую куриную котлетку, которая оказалась для него роковой. – По свидетельству современников, Чайковский ел в ресторане Лейнера макароны и тогда же выпил стакан сырой воды. На другой день, 21 октября, он заболел распространенной в Петербурге холерой. «Сейчас точно установить, где заразился Петр Ильич, невозможно... Однако можно считать наиболее вероятным, что заражение все-таки произошло в ресторане», – утверждают, опираясь на различные документальные свидетельства, Н.О. Блинов и В.С. Соколов (Последняя болезнь и смерть П.И. Чайковского, с. 36).

«Что день грядущий мне готовит!»⁶

В Казанском соборе была масса народу⁷, – и похоронное шествие растянулось больше, чем на версту.

Впереди играла музыка.

Несли на руках гроб, покрытый золотой парчой.

Ехали колесницы, увешанные венками.

Народ толпился по тротуарам и говорил:

– Кого хоронят?

– Генерала, с музыкой.

Многие перегнали шествие, и собрались в Невской лавре⁸, у забора, вокруг вырытой желтой могилы.

Неподалеку была гранитная глыба, – памятник Мусоргского.

Печальный, без солнца, серый петербургский день в 3 часа уже клонился к вечеру.

Принесли гроб.

Но гроба Чайковского не было заметно за г. Фигнером.

Г-н Фигнер хлопотал⁹, суетился, был у всех на виду и на первом месте.

⁶ «Что день грядущий мне готовит!» – слова из арии Ленского из оперы Чайковского «Евгений Онегин».

⁷ В Казанском соборе была масса народу... – В Казанском соборе 28 октября проходило отпевание Чайковского.

⁸ ...собрались в Невской лавре... – Чайковского похоронили на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры в Петербурге.

⁹ Г-н Фигнер хлопотал... – Н.Н. Фигнер был одним из распорядителей на похоронах Чайковского.

– Можно подумать, что хоронят Фигнера! – улыбнулся кто-то. Гроб опустили в могилу, и раздались первые аккорды того света.

Земля зашумела о гроб.

Кругом заплакали старые люди.

Один из друзей выдвинулся вперед к выросшему желтому холмику.

– Прощай, дорогой Петр Ильич... Прощай... прощай...

Он всхлипывал.

– Прощай...

И вдруг раздался молоденький звонкий голосенок:

– Он умер, наконец...

Все с изумлением повернулись к выкрикнувшему такую изумительную фразу.

Розовый, розовый юноша. С пушком на лице. Длинные волосики как проволока. Иззябший, в синеньком пальтеце.

Впоследствии известный декаденток¹⁰.

В руках бумажка.

К нему с испугом метнулся г. Фигнер.

– У вас стихи?!

Таким тоном, словно:

– У вас динамит?!

– Стихи-с! – звонко ответил иззябший мальчик.

¹⁰ *Впоследствии известный декаденток...* – Может быть, имеется в виду С.П. Дягилев. Он принимал деятельное участие в организации похорон П.И. Чайковского. Впрочем, это мог быть и друг молодого Дягилева Д.В. Философов.

– Подождите-с! Подождите-с!..

Г-н Фигнер мягко отодвигал его от могилы.

Вышел другой из друзей Чайковского.

– Ты был, незабвенный Петр Ильич... ты был нам... ты был нам...

Он всхлипывал.

– Прощай... прощай, дорогой Петр Ильич...

И едва он замолк, как пронзительный тенорок вскрикнул:

– Он умер, наконец...

Г-н Фигнер в ужасе кинулся:

– Подождите! Подождите... Дайте...

Вышел третий из друзей.

Рыдания душили и этого.

– Петр Ильич!.. Петр Ильич!.. Прощай!..

И снова звонкий тенорок крикнул:

– Он умер, наконец...

Изябший юноша начинал уже интересоваться всех. Вокруг могилы расцвели улыбки.

– Кто это?

А сумрак сгущался.

Один за другим выходили старые друзья. И находили больше слез, чем слов у этой могилы.

И все рвался вперед иззябший юноша, и каждой речи аккомпанировал удивительным выкриком:

– Он умер, наконец...

Наконец, г. Фигнер отодвинулся перед ним в сторону.

– Вам-с. Пожалуйте!..

Юноша шагнул к могиле.

И торопливо зачитал:

«Он умер. Но конец печальный»...

Под чтение его стихов стали расходиться.

На могиле вырос огромный курган, словно костер из венков. И наполнил воздух печальным запахом лавров и вянущих гиацинтов и роз.

Все расходились, и он остался один под душистым курганом лавров и цветов, на который сыпалась мелкая, холодная изморось.

Серый туман чернел. Шумели мокрые деревья. Скрипели мокрые листья под ногами.

И казалось, что в воздухе звучат печальные крики улетающих лебедей из «Лебединого озера».

Чайковского не стало.

И вы на каждом шагу встречаетесь с ним.

С его призраком.

По всему миру носится его печальная тень.

И из всех уголков мира, со всех концертных эстрад стонет и жалуется, и плачет его полная печали, задумчивая славянская душа.

Петр Ильич, смеявшийся детским, милым смехом, евший котлетку у Лейнера, звавший доктора Бертенсона, умер, – и

над его могилой прочли:

«Он умер. Но конец печальный
Дней унылых...»

Или что-то в этом роде.

Чайковский остался бессмертен. На свете иногда бывает
– справедливость сменяет тысячи несправедливостей.